

Василь Быков

Болото

Выбравшись из мрачных, сырых поутру лесных дебрей, где они проблуждали половину ночи, Гусаков облегченно вздохнул: лес кончился, перед ними раскинулось поле. Над подернутой утренней дымкой стеной соседнего леса поднимался ярко-красный диск летнего солнца. Лучей от него еще не было в чистом, погожем, широко залитом багрянцем небе, краснота которого, однако, быстро тускнела, уступая натиску света и голубизны. В поле становилось светлее, стало видно, как полосы ржи чередуются с разными по ширине участками ячменя, пшеницы и картофеля, – как когда-то в доколхозной Западной Белоруссии, где больше года служил Гусаков. Но тут не Западная – тут должна быть Восточная, и эти нивы-полоски давно перепаханы тракторами, а земля обобщена в колхозы. Второй раз за минувшую ночь Гусакова охватила тревога: куда же они угодили? Первый раз встревожился, когда на огромном скошенном лугу, где они приземлились, никто их не встретил, никакого партизанского дозора там не было. Правда, не было и немецкой засады. В глухой темноте ночи они собрали свои поддуваемые ветром парашюты,

потом изрядно провозились в болоте, пока затопили их в камышовых зарослях. Он набрал полные сапоги воды, а старшина Огрызков по пояс угодил в трясины. Впрочем, все это мелочи, день обещал быть погожим – высохнут. Хуже, что ночью невозможно сориентироваться, определить, где они очутились. Долго задерживаться на лугу было опасно, и они наугад подались по перелескам на запад. Потом вышли на полевую дорожку, приведшую в большой смешанный лес, из которого к рассвету выбрались на это холмистое поле.

Подождав, пока сзади подтянутся спутники, Гусаков медленно пошел по меже среди ржи, звучно приминая намокшими сапогами васильки и ромашки. То и дело оглядываясь по сторонам, он старался вовремя заметить какую-нибудь неожиданность. Наибольшую неожиданность, конечно, следовало ожидать от людей. Люди могли быть разные – партизаны, подпольщики, но, наверное, немало и предателей, полицаяев, встреча с которыми не обещала ничего хорошего советскому командиру. Ночью все было проще, но как будет днем? Может, лучше пересидеть где-нибудь, сориентироваться и решить, куда двигаться дальше. Потому что стало очевидно: они оказались не там, где должны были оказаться. Но кто в том виноват? Конечно, виноваты летуны, как их иногда называли, им лишь бы сбросить, а там как хотите –

хоть в плен к оккупантам. Они в своем штабе доложат, что задание выполнено, готовы наградные. Кто и как их проверит?

В поле пошли друг за другом – на дистанции безопасности, как и полагалось согласно партизанской инструкции, которую три дня перед вылетом изучал Гусаков. В инструкции было изложено все: как сориентироваться в лесу по пню спиленного дерева, как при сырых спичках разжечь костер, как правильно заложить толовую шашку под рельсы и много чего другого – полезного и правильного. Но ничего не было сказано, что делать, если тебя не встретили там, где должны встретить. Или как отыскать в лесных дебрях нужную тебе базу, особенно если она засекречена? Обычно говорят: иди по компасу. Но чем может помочь компас, если неизвестно, где ты очутился после суматошной ночи? Остается разве что завернуть в ближайшую деревню и спросить у какой-нибудь тетки, где находится партизанская база. Вот положение! И это в первые сутки после приземления. Рожь кончалась, в конце нивы приветливо темнела крохотная березовая рощица, к которой и свернул Гусаков. Пожалуй, действительно, следовало остановиться, оглядеться и решить, что делать дальше.

Под березками лежала густая, росистая с ночи тень, место оказалось вполне укромное от

постороннего глаза, хотя поодаль из-за ржи виднелись верхушки каких-то высоких деревьев – похоже, там была деревня. Неожиданная близость жилья, конечно, не могла не беспокоить Гусакова, который тем не менее устало опустился на мелкую в тени траву. Вскоре к нему подошел старшина Огрызков, статный крутоплечий молодой человек в юфтовых командирских сапогах. Ни о чем не спрашивая, скинул с плеча свой ППШ и, не снимая лямки тяжело нагруженного вещмешка, откинулся на траву. Молча отдыхая, они дожидались третьего из их группы – фельдшера Тумаша.

– Что? – хриловатым голосом произнес тот, подходя к березкам. – Перекур?

– А ты куришь? – переспросил его Огрызков. Познакомились они накануне вылета и теперь с понятным интересом присматривались друг к другу.

– Я-то не курю, – сказал Тумаш. – А вы курите?

– И мы не курим, – отозвался Огрызков. – Курить – здоровью вредить.

– Вот именно... Здоровье и партизану не помешает.

С виду это был обычный солдатский треп, беззаботная болтовня подчиненных, ничем конкретно не обеспокоенных. Вольготно вытянувшись на траве, они всем своим видом

показывали, что всецело полагаются на него, потому что Гусаков – командир и должен обо всем позаботиться. Но он здесь мало что мог, не мог даже определить место своего нахождения. Расстегнув кирзовую полевую сумку, вынул из нее новый, еще не помятый лист карты, развернул его на траве.

– Ну что там? – небрежно спросил Огрызков. – Далеко еще топать?

– Сперва надо определиться, – ответил Гусаков. – Это как минимум.

– А максимум?

– А максимум – тот же минимум, – не вдаваясь в подробности, объяснил командир

– Да-а... Раздолбаи летуны...

Наверно, раздолбаи, старшина прав – об этом командир думал весь остаток прошедшей ночи. Летчики их подвели. Потому что невозможно себе представить, что обманули партизаны, не встретив их в установленном месте. Такого не могло случиться... Хотя, пожалуй, могло, вдруг подумал Гусаков, на войне случается разное, она полна самых невероятных случаев. Работая в штабе, он уже был наслышан о замечательных проделках как летчиков, так и партизан. Но и Огрызков должен был об этом кое-что знать. Хотя старшина за линию фронта отправлялся впервые, но служил в диверсионно-разведывательном отделе, где

чему-то, наверное, учили. Другое дело фельдшер Тумаш.

– Доктор, ну как прыгнул? – словно уловив мысль командира, обратился к фельдшеру старшина.

– Да прыгнул! – нехотя ответил Тумаш. – Хорошо, что ночью, – ни черта не видать. А днем все могло быть.

– Потому и сбрасывают ночью. Чтоб не увидел, как грохнешься.

Они переговаривались вроде беззаботно, хотя лица обоих были заметно напряжены, оба украдкой поглядывали на командира – ждали, что скажет он. Несколько минут Гусаков изучал карту, и его беспокойство усиливалось – ни одного знакомого ориентира на карте не было. Ни луга, куда они приземлились, ни леса, который перешли, ни дороги, ни поля. Явно не тот лист карты. Но попасть им следовало именно в те, нанесенные на карту места. В том-то и состояла незадача.

– Старшина, – со сдержанной решимостью произнес Гусаков. – Пойдете в деревню.

– Это куда?

Не стронувшись с места, на котором он лежал, Огрызков насторожился.

– Вон за полем. Узнать, как называется.

Старшина приподнимался устало и неохотно. Сидя, вдел руки в лямки вещевого мешка, потом

встал на одно колено, затем на другое.

– Вещмешок оставь, – сказал командир. – Тумаш возьмет.

Сбросив с плеч тяжелый, набитый толлом вещевой мешок, с автоматом в одной руке старшина ленивой походкой пошел по меже вдоль ржаной нивы. Из-под нависших ветвей Гусаков проследил, пока тот не скрылся за рожью.

– Да-а, – неопределенно произнес Тумаш. – Сварил кашу. Как теперь быть?

В вопросе фельдшера послышался тайный упрек ему, командиру, словно он был виновником происшедшего. И командир не ответил. Своей вины в их неудаче он не чувствовал, а обсуждать чужую вину ни с кем не хотел. Тем более с подчиненным или посторонним, каким, по существу, являлся для него этот фельдшер. Впрочем, о том же намекали и в особом отделе, где перед вылетом он проходил инструктаж и где оставил (уже не помнил, какую по счету) подписку о неразглашении. Похоже, спутников для него подобрали случайно, без должной подготовки к опасному заданию. Воспользовавшись его командировкой, вызвали тех, кого понадобилось отправить к партизанам. Хотя кто думал, что все так получится, что их сбросят не туда, куда следует, и их никто не встретит. Тем более – с его, в общем, не тяжелым, но весьма важным и секретным грузом.

– Ты где воевал? – спросил Гусаков, внимательно взглянув на сморщенное и багровое, видно недавно обожженное лицо Тумаша.

– В танковых войсках.

– Танкист, значит?

– Фельдшером был.

– Теперь партизаном будешь. Тоже неплохо, – скупно улыбнулся командир.

– На войне все неплохо, – просто ответил Тумаш. Его неприятное, безбровое лицо оставалось невозмутимо серьезным.

Гусаков подумал, что надо бы фельдшера, а не старшину послать в деревню, потому что старшина хотя и назвался разведчиком, но в разведку пошел, пожалуй, впервые. Впрочем, в их положении назваться можно было кем угодно – документы и погоны они оставили в штабе, а с виду были все одинаковые...

Сторожко озираясь по сторонам, Огрызков вышел из ржи и, присев, затаился под грушей.

Низкорослая молодая грушка вольготно раскошествовала на солнечном приволье, колючее ее сучье низко свисало к самой земле. Впереди за картофельными огородами раскинулась лесная деревушка – гряды, сарайчики, хаты под соломенными стрехами, за ними несколько старых деревьев. Из закопченной трубы крайней хаты

вился слабый дымок – наверно, готовился завтрак. За изгородью ходила тонкая, с виду не старая еще женщина, что-то высматривала на грядках, иногда наклонялась, что-то щипала. Чуть в стороне возле кустов паслась привязанная на веревке лошадь; то и дело помахивая хвостом, отгоняла мошкарку.

Огрызков не спешил, улегшись под грушей, дожидался, когда женщина подойдет ближе. Солнце тем временем изрядно поднялось в небе и согревало плечи и мокрый зад; старшина приятно подсыхал после ночного купания. В общем, он тоже досадовал из-за неудачного начала и думал, как бы все последующее не оказалось и того хуже. Главное – у них не было связи. А он уже слышал от своего недавнего начальника-генерала, что без связи в тылу врага делать нечего, можно запросто отдать жизнь за родину. Огрызкову отдавать свою жизнь ни за что не хотелось, он был молод и хотел жить.

Еще он слышал, что в их разведывательно-диверсионном деле многое зависит от тех, кто с тобой рядом. В этом смысле состав их группы ему не очень нравился, если не сказать, что вовсе не нравился. Не говоря уже об обгоревшем фельдшере, который просто – сбоку припеку. Этому, пожалуй, лишь бы дойти к партизанам, где, наверно, будет спокойнее, чем на передовой. А не удастся к партизанам, пристанет к землякам-полицаям. Теперь и тем и другим нужны

медики, говорят, раненых да трипперников у всех хватает. Огрызкову не понравился и командир, эта штабная крыса, который стремится командовать, подчинить их себе, но делает это без необходимой власти и твердости. Да и откуда возьмется твердость у человека, который потерял ориентировку и не знает, куда податься? За таким командиром нужен присмотр. Перед отлетом в особом отделе ему так и сказали: за командира отвечаешь головой. Нельзя допустить, чтобы в случае чего высокие правительственные награды попали в руки врага. Если такая опасность возникнет, знаешь, что надо сделать? Он догадывался, но сделал вид, будто хорошо о том знает и нет нужды в объяснениях.

Наверно, немало времени он пролежал под грушей, а тетка все не подходила к изгороди, ковырялась на середине картофлянища. Потеряв терпение, Огрызков поднялся и, прикрыв за бедром автомат, двинулся к огородам.

– Можно вас на минутку?

Испуганно ойкнув, женщина со всех ног бросилась к хате, и Огрызков с досады выругался. Остаться тут было небезопасно: черт знает, что могла выкинуть эта женщина. Вполне возможно, что в ближней избе живет полицей или староста. Прикрывая собой автомат, он тихонько пошел вдоль изгороди, постепенно забирая в сторону,

ближе к полю. Хорошо или нет, но на огородах и возле хат никого не было, никто его тут не увидел. Держась поодаль, Огрызков направился в другой конец деревни.

На пути его оказался небольшой округлый пруд с обтоптанymi скотом берегами, похоже, здесь располагался выгон, во всяком случае засеянное рожью поле поблизости оканчивалось. По ту сторону обросшего ольхой овражка паслось небольшое стадо – несколько разномастных коров шустро сновали по сенокосу, сзади за ними двигалась женщина с прутом в руках. Издали были слышны ее сердитые окрики на коров, которые, похоже, настырно стремились к посевам. Наверно, стоило туда подойти, подумал старшина, меня направление – от деревни в поле.

Для того чтобы приблизиться к стаду, пришлось перелезть овражек, высунувшись из которого, Огрызков неожиданно близко увидел пастуха. Это был парнишка-подросток в длинноватой, выпущенной поверх штанов рубашке, низко надвинутой большой, наверно, отцовской кепке. Стоя на краю ржи, он задумчиво стегал по траве коротеньким пастушьим кнутом.

– Привет, парень! – приветствовал его Огрызков. – Не пугайся, я – партизан! Тебя как звать?

– Костя, – растерянно произнес подросток.

Разбуженный матерью, Костя в то утро поднялся рано, – подошла очередь на пастьбу коров. Правда, проснулся не сразу, мать трижды окликала его из ворот повети, где он спал на привезенной вчера копне сена. Когда встал, коров уже выгоняли, а их Красоля подоенная стояла во дворе, допивала из ведра воду. Костя достал из-под стрехи ременную пужку и, как был босой, в одной рубашке погнал корову на выгон.

Очередь ему сегодня выпала с бабой Августой, старой, но еще подвижной женщиной, которая громко бранила непослушных коров и своего подпасака. Подпасок у бабы Августы, как всегда, был на побегушках. Почему медлишь, не бежишь, молодой еще, бегать надо пошибче! Не любил Костя пасти коров с бабой Августой, но так получалось, что именно с ней чаще всего и выпадало.

Хуже всего было пасти возле ржи, куда через обмежек все время норовили забраться коровы. Тут Костя немного побегал за утро, пока оголодавшие за ночь коровы подкормились, стали спокойнее, и он наконец отдышался возле житней межи.

Костя пас коров, бегал за ними, стегая по костистым задам коротеньким кнутом, но мысли его были далеко от этих коров и этого поля. Больше всего на свете Костя любил читать книжки –

детские, приключенческие или не очень ему интересные из классики, – неважно какие, лишь бы читать. До войны перечитал все, что было в двух шкафах школьной библиотеки. Но теперь библиотеки не стало, как не стало и самой школы, сгоревшей в первую военную осень. Вторую зиму Костя не учился, работал по дому и хозяйству. Кроме него да матери, работников у них не было. Витька еще малой, а отец... Отца как мобилизовали зимой в поход за оружием, так и пропал. Может, остался на фронте и теперь воюет в Красной армии, а может, погиб где-нибудь на пути к фронту. Сосед Карлюкевич притащился весной с одной рукой, другую держа на перевязи, рассказывал, что в Витебских воротах немцы устроили им западню и били из пулеметов на льду озера. Там много положили их, безоружных партизан, редко кому посчастливилось вынести целой собственную голову.

С книгами теперь была полная невезуха, читать стало нечего. Если у кого и сохранилась какая книжка, так ее драли на сигарки курильщики. Скурили и все учебники, что остались у детей от довоенной школы. Хорошо, что у Кости курить было некому, и он свои запрятал на чердаке. Все-таки, думал, война когда-нибудь кончится и он пойдет в седьмой класс. Если бы не война, окончил бы уже восемь. Тем временем подрастет Витька,

будет отбывать очередь на пастьбе, а ему хватит взрослой работы – копать огород, косить сено, молотить снопы да таскать из леса дрова. Лошади у них не было. Разве что вернется с фронта отец...

И вдруг на житней меже возле куста олешин он увидел человека, одетого вроде в военное, даже с автоматом в руке. На мгновение показалось, что там где-то и отец. Но показалось – отца там не было.

– Это... Поди сюда, – кивнул головой военный.

Оглянувшись на коров, Костя нерешительно пошел за кусты, наверно, чтобы не видно было из деревни.

– Пасешь? – спросил Огрызков, чтобы начать разговор.

– Ну.

– А это какая деревня? – кивнул он в сторону выгона.

– Скрипачы.

– Хорошее название. А где Боговизна, знаешь?

– Боговизна? Да там, – махнул рукой Костя в сторону леса. Огрызков нахмурился, подумав, не туда ли этот подросток показывает, откуда они шли ночью? Но что же тогда получается? Скверно тогда получается... Хотя пусть разбирается командир, который ведет их, похоже, не зная куда.

– Ты это... Пройдем со мной. Тут недалеко.

Костя озабоченно оглянулся на коров, но, кажется, все были поодаль от ржи, и он тихонько пошел за Огрызковым, которого сразу и без сомнений принял за партизана. Все дожидался, что тот сообщит что-то важное или, может, покажет. Но Огрызков молча вел его краем нивы, как вскоре понял Костя, к недалекому березнячку. В не очень рослой здесь ржи оставался заметным их след, и Костя подумал, что нельзя было мять несжатую рожь. В деревне за это всегда ругали.

Подойдя ближе к березкам, Костя увидел еще двух военных, спокойно отдохавших в тени. Отца здесь не было.

– Вон деревня Скрипачы, – подходя, сообщил старшина, и Гусаков недовольно насупил брови.

– А это кто?

– Это пастух.

Минуту командир настороженно и молча сидел на траве.

– Где Боговизна – знаешь? Урочище Боговизна?

– Так знаю, – не сразу скромно отозвался паренёк.

– Пусть покажет, в какой стороне, – предложил и выжидающе умолк Огрызков.

– Ну там, – снова показал Костя в сторону леса.

– Видели? – сказал Огрызков. – Что же тогда получается, командир?

– Ерунда получается! – согласился Гусаков. – Если этому верить.

– Но нельзя и не верить.

Костя тем временем молча стоял напротив, – что он мог им сказать? Кто в здешних местах не знал, в какой стороне Боговизна, куда бабы каждое лето ходили за ягодами, осенью – за грибами. Как-то перед войной во время зимних каникул Костя возил туда подшитые резиной валенки, когда отец с колхозной бригадой работал на лесозаготовках. Ехали на санях, через плохо замерзшее болото, возле речки едва не свалились в трясину. Тогда с ним был дед Богатенок, знавший на болоте все летние и зимние стежки. Дед умер в самом начале войны.

– Вот пусть парень и проведет, – предложил Огрызков. – А то самим как бы снова не вляпаться.

Гусаков напряженно размышлял о чем-то, испытующе-сурово уставясь в Костю.

– Проведешь до Боговизны, – наконец решил он.

Косте вдруг стало жарко от предчувствия того, что в его жизни что-то круто меняется. Он только не понял, в какую сторону – худшую или лучшую. В то же время явственно ощущал, что все это очень не вовремя. Ведь он на пастьбе, а там

коровы, с которыми осталась одна Августа. Наверно, уже ругает его на все поле...

– Так я коров пасу, – несмело возразил он командиру, которого уже признал по его приказному тону и офицерскому снаряжению – португее, пистолету на боку. Командир, однако, его возражение оставил без внимания. Поднявшись на ноги, он уже прилаживал на себе свою ношу – зеленый вещмешок и полевую сумку. То же самое проделали и его спутники – тот, помоложе, что привел его сюда, и пожилой с виду дядька с красным, словно обожженным, лицом и с тугой брезентовой сумкой на боку.

– Твой отец где? – сдвигая наперед увесистую кобуру, спросил командир. – Или нет отца?

– В партизанах, – тихо сказал Костя, не зная, сказать им правду про отца или пока промолчать. Но командир не спросил ничего больше, и он промолчал.

– Полиции у вас много?

– Так нет полиции. Полиция в районе, за восемнадцать километров. А у нас и старосты нет. Как партизаны застрелили...

– Хорошо, – наконец сказал Гусаков. – Тогда шагом марш!

– Але ж у меня коровы, – снова напомнил Костя.

– Обойдутся без тебя коровы! – решительно

бросил командир. – Ты веди. В каком направлении?

– Да вон – через лес.

Еще не все понимая, Костя неспешно пошел по меже в сторону леса. На ходу оглянулся, – стадо отсюда не было видно. Ненужный теперь кнут сунул под заросший травой обмежек, и парню сделалось не по себе – наверно, не надо было ему соглашаться. Но ведь это советские партизаны, такие же, как где-то пропавший его отец, им надо помочь, дело у них опасное и ответственное. Может, не разбегутся его коровы. Августа как-нибудь управится...

Вскоре они вошли в лес, и Костя свернул с дороги на едва заметную в зарослях стежку – повел напрямик. Вплотную за ним быстро шагал Гусаков, немного поодаль – Огрызков. Последним, заметно отстав, шел с нагруженным вещмешком и санитарной сумкой фельдшер Тумаш.

Сосновый, пронизанный солнцем бор вызывал тихое умиление в душе уставшего фельдшера, до того воевавшего на знойном, степном, пыльном юге. Здесь его душа отдыхала, впитывая привычную с детских лет благодать, которую источали эти медноствольные сосны, кустистые заросли орешника, весело зеленевшие между ними нежнолистые березки. Летнее утро вобралось в самую силу, но в лесу было не жарко, – из обросшего бузиной и ольшаником овражка тянуло